

Камилла Магамедова

6+

Сам ты девчонка!

отредактировала

Полина
Ладина

нарисовала

Полина
Полярная

«Каждому нужен дом»

Камилла Магамедова

Сам ты девчонка!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63688941

SelfPub; 2021

Аннотация

Как сложно быть ребёнком! Брови срастаются, зубы выпадают... И все напоминают, что ты маленький! Просто взрослые забыли главный детский секрет: правда – это самое важное, а мальчики тоже плачут.

Содержание

Ложь, мальчишки и комары	4
Страна Стеклянного шара	10
Как я и мама стали преступниками	20
Надежда	26
Яблоко по имени Ия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Камилла Магамедова

Сам ты девчонка!

Ложь, мальчишки и комары

Интересно, а у всех детей брови срастаются в одну и выпадают молочные зубы? Потому что у меня одна тонкая светлая бровь, и всё время шатаются зубы. А моя мама говорит, что такое часто случается с детьми. Хотелось бы верить, но взрослые часто врут.

Вот одна история для примера. Однажды учительница Фи-Фи (а она считается взрослой) заявила, что любовь окрыляет. Я тут же представила как огромная Мадам Сижу порхает над Чувствиллем. Ну, уж нет! И вообще, интересно, тогда куда же подевались крылья родителей? В общем, верить я не спешила. Дети совсем не так наивны и просты, какими могут казаться.

В нашем городе мало в кого можно влюбиться. Но, когда речь идет о правде, я готова на всё. Поэтому на уроке, тщательно выбирая возлюбленного, я остановилась на Троппи. Пусть он задира и к тому же мальчишка... Зато он не любит географию, а это делает нас гораздо ближе.

– Троппи... – прошипела я. – Троппи!

Он сидел, согнувшись над книгой, и болтал тоненькими ножками в разные стороны. Это так сердило, что язык даже принялся расшатывать зуб.

«Может надо как-то особенно это делать?» – подумала я и тут же вспомнила, как мой папа подмигивает маме. Я не

умею подмигивать одним глазом, поэтому подмигивала двумя сразу. Троппи очень старательно избегал меня, словно нарочно. Но, как только началась перемена, он как ужаленный вскочил и, нахмутив брови (или бровь, если верить маме), завопил:

– Что ты жмуришься, как виноград на солнце? Что тебе надо, Ия?!

– Влюбиться! – гордо отвечала я.

Сперва Троппи долго смеялся, потом обозвал глупой, а после разрешил влюбиться. Но только из-за страха, потому что увидеть Мадам Сижу, порхающую в облаках, всё равно, что съесть варёный лук.

В центре нашего города стоит гигантский уродец – высокое заброшенное здание, которое начинали строить много раз и много раз завершали, потому что Мадам Сижу никак не могла определиться, нужно оно или нет. По итогу это место назвали Признательной, и ходят туда, чтобы признаваться в самых разных вещах. Например, все влюбленные оставляют свои имена на стенах Признательной. Это означает, что теперь они очень любят друг друга, а не просто любят. Очень – это тоже важно.

Сразу после занятий мы потащились в Признательную. Троппи всю дорогу рассказывал, какой он умный и ничего не боится. А я думала, что будет просто ужасно, если учительница Фи-Фи соврала. Любить Троппи было всё сложнее и сложнее...

Наконец мы стояли в Признательной, стены пестрили, как небо во время салюта. Пришлось взобраться почти на последний этаж, чтобы отыскать место, куда помещалось бы пара имён. А потом ещё долго спорить, чьё имя будет первым.

– Ты что-нибудь чувствуешь? Может боль в спине или... – спрашивал Троппи, когда мы оба косились на жутко кривую надпись «Ия и Троппи». Я покачала головой и предложила обвести надпись в сердечко, чтобы сработало наверняка.

– У меня не выросли. – шмыгнул он носом.

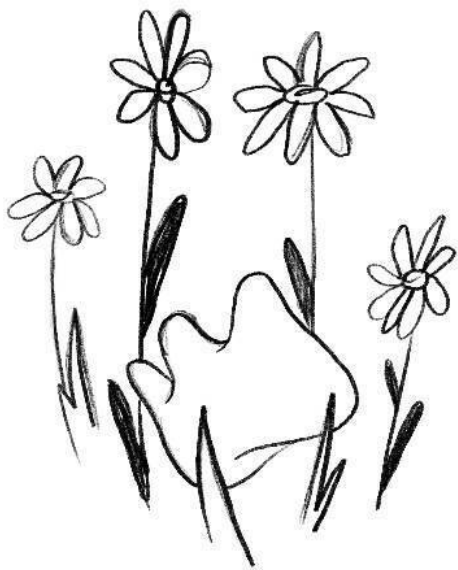
– Может они вырастают в ответственный момент? Это надо как-то проверить. – говорила я скорее сама с собой, чем с Троппи.

– А как? – спросил он, лениво тыча сухой веткой в признание в любви.

Я думала и продолжала расшатывать передний зуб, который очень мешал весь день. В этот момент прямо на лоб Троппи приземлился ужасного размера комар. В самом деле не могла же я упустить момент, чтобы как следует треснуть Троппи по лбу? Я встала напротив него и уверенно сказала:

– Замри-ка... – смотря прямо в его малюсенькие глаза, я продолжила расшатывать зуб и хмурить свою единственную бровь. Я медленно тянулась к Троппи, представляя, как вот-вот тресну по его огромному лбу! Троппи не двигался, но лицо у него скривилось. И в самый ответственный момент он увернулся, а я упала с верхнего этажа.

Пролетев несколько лестниц, пару птиц и густое дерево, я в конце концов приземлилась на траву.

«Как больно любить, как паршиво и больно... очень больно, особенно ногам и спине...» – думала я, глядя в светлое, почти стеклянное небо.

Если быть честной, я очень хотела крепко полюбить Тресси, когда падала. Тогда бы у меня выросли крылья, и я не потеряла свой зуб, и не слегла бы в больницу с переломом всего.

Итак, взрослые – сплошное разочарование. А я застряла в гипсе на долгое-долгое время! Вот до чего доводят ложь, мальчишки и комары.

Страна Стеклянного шара

Шел Бог знает какой день постельного режима: я уже полностью разрисовала гипс, меня навелили все, кто только мог, и даже Троппи. Моя тоска доросла до учебников истории и разговоров с папой Снобом о нашей маленькой стране.

– Страна Стеклянного шара... Ты хоть задумывалась, почему мы так названы?

Когда взрослые задают такие вопросы, всегда страшно отвечать. И вроде промолчать – плохо, но ответить ещё хуже. Поэтому я промолчала, а папа Сноб продолжил.

– Правильно! Потому что мы живём в стеклянном шаре! – и он засмеялся. Это было совсем жутко. Иногда взрослые смеются над обычными вещами, таким странным смехом. Как бы сказать, чтобы не обидеть взрослых? Наверное, так не получится, поэтому я лучше не буду это описывать.

– Такие шары обычно дарят как сувенир, внутри целые улицы и города, а ещё идет снег из блесток! – продолжал папа. А я покосилась на него, ощущая, как вот-вот начнется рассказ про всю историю нашей небольшой страны.

«Интересно, все папы такие умные или только Снобы?» – подумала я.

– Время течет иначе, дети говорят сразу, как только рождаются... – папа высоко задрал нос и закрыл глаза. – А гражданская война! У нас богатая история! Раньше странной пра-

вили сестры Мадам Сижу и Мадам Бегу. Но они очень разные, – его палец резко поднялся в небо и тут же упал вниз, — постоянно ссорились, и в конце концов, разошлись! Страну разделили на два города.

Папа Сноб больше всего в жизни любит две вещи: маму и историю. Мне кажется, он целый день готов говорить о стране Стеклянного шара, глядя на маму Бонс. Но правда в том, что мне история совсем не нравится, мне не нравится Чувствилль, мне не нравятся его глупые законы, и мне не нравится, что я не могу обнимать родителей или хотя бы говорить об этом. А ещё мне не нравится теплое молоко с пенкой.

Вся беда в том, что за

По правде, у меня есть мечта, но я о ней никому не рассказываю, иначе нас оштрафуют. Я мечтаю побывать в Бегундии. Она находится на противоположном конце Стеклянного шара. Там бывали единицы, и все они после возвращения ведут себя как-то странно... Машут руками при встрече,

считают ворон, обнимаются! На уроках нам говорили, что жители Бегундии только и делают, что носятся с делами, а правит там тощая Мадам Бегу. Она настолько любит двигаться, что предпочитает не спать вовсе, из-за этого у нее огромный синяк под левым глазом и чуть меньше под правым. Вот бы побывать там хотя бы однажды!

Папа Сноб все ещё говорил, а я уже начинала засыпать. Когда кто-то умничает, всегда хочется спать.

«Господи, пусть у меня вырастет новый зуб, и пусть моя бровь станет двумя бровями. И пошли мне друга, с которым я отправлюсь в Бегундию! Я обещаю Тебе учить географию и больше никогда не влюбляться. Аминь» – сказала я про себя и уснула.

Последние дни в гипсе оказались самыми забавными. Я постоянно говорила со стеной-болтушкой в своей комнате, а она очень несерьёзная, так говорит папа. Вообще, дома в Чувствилле ужасные сплетники! Потому что все стены без исключения имеют уши и рты, да и к тому же не по одной паре. По правде говоря, в Чувствилле все только и делают, что говорят и слушают.

Мне сняли гипс через несколько дней. Пришло время возвращаться в школу. Мама Бонс даже подарила мне новое платье: красивое, светло-голубое с рукавами-буфами и узорчатым воротником. Надеть мне его, конечно, не разрешили, повесили красиво в шкаф «на особый случай».

– Мама! Я чуть не умерла, что ещё должно случиться, что-

бы я смогла надеть это платье? – бунтовала я.

В школе всё было как прежде, мне даже стало грустно. Я нафантазировала себе поздравления, открытки и стихотворения в честь того, что я поправилась... Но ничего такого не случилось. Вообще, в жизни часто что-то не случается.

Когда я вернулась домой стена-болтушка рассказала, что у нашей соседки, тётки Мо, появился сын. Первое, что он сказал: «Сила действия равна силе противодействия». Это был какой-то физический закон. Тётя Мо наверняка страшно испугалась, что её теперь оштрафуют на дорогие воспоминания. Воспоминания – это наша местная валюта. Мама говорит, что платить ими гораздо дороже, чем какими-то деньгами.

«У меня появился новый сосед...» – я не могла нарадоваться, даже аппетит пропал от волнения. Из болтовни стен удалось выяснить, что малыша называли Тире и что тётя Мо работает переводчицей с бегундинского, поэтому она читала все эти жуткие вещи про цифры, а Тире просто запоминал. Так что штраф ей не выпишут.

Тем же вечером мне официально запретили общаться с «физиком, математиком и Минусом!», то есть моим новым соседом Тире. Не знаю почему, но меня это очень обидело.

– Но он же не виноват, что тетя Мо переводчица! – взывала я.

– Милая, а что скажут стены-болтушки о том, что ты хочешь дружить с математиком? – почти шепотом сказал па-

па, чтобы стены не услышали, а уже следом громко добавил, чтобы слышали все, даже сама Мадам Сижу. – Это же позор! Никаких математиков в нашем обществе быть не должно! – стены-болтушки тут же начали повторять фразу папы Сноба и разносить её по всему городу.

В любом случае настроение упало куда-то в живот. Мне хотелось налопаться чего-то вкусного, но мама Бонс вкусное готовит только на выходных и по праздникам. Поэтому я просто легла на кровать и устала на стену-болтушку. Мне повезло с ней, она очень дружелюбная и безумная хохотушка. Стена рассказала мне несмешную шутку и так громко засмеялась, что другие стены в нашем доме тоже затряслись. Всё это напоминало землетрясение, словно Стекло́нный шар попал в лапы кота! И я даже немного испугалась, потому что книги на моей полке начали бегать по шкафу. Вскоре я услышала вопль папы Сноба. Когда я выглянула из комнаты, то увидела, что он держится за голову, а возле него, на полу, лежит томик Толстого. По правде говоря, это тяжелый удар. А правда – это ведь самое важное.

Есть один секрет, который не знают взрослые: в школу ходят не за знаниями, а за друзьями. Занятия в школе всегда кажутся скучными, а особенно когда ты сидишь один. А я сижу одна и к тому же за первой партой, несмотря на мой

высокий рост. Это делает школу просто невыносимой! Даже представить страшно моё положение. Я обречена на одинокое существование отличницы. Мне даже списывать не у кого, а давать списывать самой не нравится.

Одним утром всё изменилось: мой новый сосед Тире пошёл в школу! Он очень умный, почти как я, так что его взяли сразу в мой класс. Тире невысокого роста, худой,

растрепанными черными волосами и глазами бусинами – в общем, очень напоминает воробья.

Никто не хотел с ним сидеть, потому что он был самым младшим, и все знали, что он сказал в первый раз. По правде говоря, а я очень люблю правду, все его боялись. Люди всегда боятся того, чего не знают. Никто не хотел быть другом и даже соседом «математика». А я уже была его соседом по дому, поэтому мне ужасно хотелось стать его другом! Предел мечтаний – чтобы Тире стал моим соседом по парте! Уж очень мне хотелось иметь в друзьях кого-то непохожего на папу Сноба или Троппи.

– Тире, садись со мной! Вот, можешь даже сесть у окна, если хочешь!

Я позвала его рукой и очень широко улыбнулась, наверное, даже слишком широко, потому что у меня стянуло рот. Тире как-то сомнительно взглянул на меня и потом оглядел класс. Идти ему было некуда: либо ко мне за парту, либо за дверь. Тире уже тогда был очень смелым, поэтому он медленно пошел навстречу ко мне и моей первой парте напротив учителя. Я очень переживала, что кто-то из ребят скажет гадость про Тире, например, ужасный задира Троппи.

– Ап-х-чи... Минус! – будто чихая, сказал Троппи.

Все застыли. Я так испугалась, что сейчас что-то будет. Учительница Фи-Фи, как назло, куда-то пропала. Все не сводили глаз с Тире. Он медленно повернулся к Троппи, засу-

нув руки в карман брюк, и как настоящий гангстер сказал:

– Ты заболел? Тебе нужно подлечиться, хочешь в больницу отправлю?

У класса рты пооткрывались, а Троппи весь покраснел и вмялся в стул. Это было ужасно, стены начали дребезжать. А Тире так и продолжал угрожающе нависать над Троппи. Казалось, что ещё секунда и он заплачет. Но тут уже вбежала учительница Фи-Фи.

– Тире Мо! Немедленно прекрати задирать своего одноклассника и займи свободное место! – запищала учительница, голос у нее был пренеприятный: высокий, визгливый, словно кто-то мелом по доске скрипит.

– Но это Троппи первый начал! – неожиданно сказала я и тут же пожалела об этом.

Одноклассники опять пораскрывали рты. Я даже заметила, что у Лили нет заднего зуба, а она сидит через парту от меня. Может, мама была права насчет зубов? Тире тоже заметил, что у Лили нет зуба, об этом он мне рассказал по дороге к директору. Но это уже было неважно, потому что теперь все знали, что мы с Тире соседи и друзья!

Как я и мама стали преступниками

Вечером мне знатно досталось от папы Сноба – запретили читать и велели держаться подальше от Тире. Допустим, если первое я охотно выполняла, то со вторым была в корне не согласна.

Вот Тире повезло больше! Я лежала на кровати, а стена-болтушка передавала мне разговор Тире и его мамы на левое ухо та-а-ак тихо, что даже я едва слышала. Мама Мо сказала: «Надо было треснуть этому Троппи как следует!», а потом она прибавила: «Лучше бы я выбрала другую профессию, тогда бы тебя никто не обижал...».

Я представляла, как было бы здорово, если бы они крепко друг друга обнимали и, даже возможно, Тире сидел бы у мамы Мо на коленках. Не знаю, почему мне так представлялось. Иногда хочется, чтобы мамы брали детей на колени и обнимали. Несмотря на то, что в городе есть глупый запрет на любое объятие, бег или прыг. В общем-то, здесь даже руку при встрече жать не принято, потому что слишком активно для такого душевного города. Но, думаю, что нарушить глупый закон ради любви вовсе не так страшно.

Той ночью мне приснился сон, что мы с мамой были настоящими преступниками – обнимались, а ещё она угощала меня любимым молочным коктейлем. Но нас сдал Троппи, потому что его мама никогда не нарушала закон ради любви,

вот он и взбесился. Нас оштрафовали за превышение физического контакта, папа Сноб заплатил очень дорогими воспоминаниями и Мадам Сижу запретила мне подходить к маме. Так себе сон, если быть честной.

Утром я выглянула на кухню, за столом сидел папа Сноб, он читал газету и что-то жевал.

– Пап, а у нас много воспоминаний есть? – я хотела узнать на случай, если мы всё-таки будем обниматься с мамой.

Папа посмотрел на меня исподлобья и коротко ответил: «Достаточно». Интересно, а достаточно – это много или мало? Но у папы был вид такой, как бы сказать, суровый что ли. Я решила сама выяснить, сколько это – «достаточно». Пришлось прокрасться в комнату родителей и аккуратно залезть под стол, где живет коробка памяти.

Коробка памяти есть у каждого жителя Чувствилля. Это похоже на кошелёк или копилку, только в ней хранятся воспоминания. Папа говорит, что коробка памяти «вообще вещь поганая, хоть и дорогая». Однажды он отдал важные воспоминания и теперь уже ничего не помнит о своей школьной любви. А мама и рада! Я слышала, что мамам не нравится, когда папы вспоминают о своей прежней любви.

«Достаточно» – это жуть как много! Мне это стало ясно, как только я открыла коробку. Ведь воспоминаний у нас было очень-очень много.

– Па-а-ап! Па-па! Пап! – я шла с коробкой в руках на кухню. – Пап... А ты меня сильно любишь?

Он, не глядя на меня, грозно ответил: «Достаточно». Будь я глупой и маленькой, я бы решила, что «достаточно» – это непонятно сколько. Но я-то знаю правду, «достаточно» – это очень много.

– Пап, а спроси у меня, как сильно я тебя люблю.

– Ия, что тебе нужно? – обычно папа не жалуется на память, но я всё же повторила просьбу. – Хорошо, и как сильно ты меня любишь? – он задал вопрос, не отрываясь от чтения.

– Вот так! – я выставила руки и громко трянула содержимым коробки, чтобы папа Сноб посмотрел на меня. Небольшая стеклянная бутылка зеленого цвета выпала и с шумом превратилась в маленькие зеленые стекляшки. Папа Сноб медленно опустил книгу и устало глянул на осколки, которые превращались в пыль.

– Ты что? Ты что сделала?! – вдруг начал повторять он. – Ты всё... Бонс! Бонс! Она всё...

Откуда не возьмись появилась мама. У мам есть такой талант – вдруг появляться, если что-то идет не так. Мама взяла меня за плечи и трянула, что было очень странно, ведь она обычно даже рукой при встрече не машет. Перед отправлением в комнату я успела стащить изумрудный осколок, который удалось сохранить до того, как воспоминание превратилось в пыль.

Спустя несколько страниц книги, в комнату вошла мама Бонс. Она аккуратно села на кровать и улыбнулась уголком рта.

– Мама, клянусь, я только хотела узнать, сколько значит «достаточно»! – я старалась не тараторить, но это всегда случается, когда нервничаешь. – Прости, мам. – я чувствовала себя виноватой и мне хотелось подарить папе новое воспоминание, гораздо лучше забытого.

– Ия, не бери больше коробку памяти. Воспоминания – очень дорогая вещь. Люди их берегут, чтобы случайно не забыть что-то важное. – голос у нее был ласковый и добрый.

– Сноб забыл наше знакомство... – она сжала рот в тонкую полоску, потом взглянула на мое кривое от страха лицо и сразу принялась объяснять.

– Нет! Он меня помнит! Помнит! Забыл только первую встречу. – я подавилась лимонадом, и он полился через нос. Мама засмеялась негромко.

– Сноб тогда сказал: «Вода всегда найдет выход!», – она улыбнулась очень широко и шепотом продолжила, – и влюбился...

Мне было жаль маму. Папа спокойно пил чай на кухне, потому что ничего уже не помнил, а она помнила всё. Взрослые говорят: «Не дай Бог забыть», а я думала тогда, как удобно ничего не помнить. Ведь папе сейчас гораздо лучше, чем маме.

– Но у вас есть много других воспоминаний! – возразила я, а когда поняла, что мама совсем никак не реагирует на меня, добавила – Как думаешь, папа теперь разлюбил меня?

– А почему он должен разлюбить тебя? – она забавно гля-

нула на меня, так глядят на что-то глупое, но милое.

– Я ведь... и теперь у нас недостаточно... – отвечала я, ощущая щекочущие слезы на глазах.

«Нет, я не буду плакать. Я не буду плакать... Я не буду...» – повторяла я и внезапно заплакала.

Мама ничего не ответила, а только слегка обняла меня одной рукой. От этого сердце у меня чуть остановилось и потом начало работать как что-то сломанное, но живое. Мы нарушаем закон! Мы. Нарушаем. Закон. Взрослые бы сказали: «Этого было более чем достаточно для поддержки». А мне хотелось ещё! И это натолкнуло меня на мысль – может, детское «достаточно» отличается от взрослого?

Надежда

Осень плавно подходила к концу, и дни становились более погожими! Некоторые даже слишком: приходилось то и дело переодеваться. Я уселась перед открытым окном и надувала себя воздухом так сильно, что голова пошла кругом. Мама Бонс готовила хлеб и читала стихи вслух.

Во двор вышел соседский дедушка с кульком чего-то. Как только он выкинул первую гроздь содержимого, птицы сразу его окружили и принялись стучать клювами о землю. «Интересно, что там в голове у птиц, когда они стучатся о землю? У них там мозги не сотрясаются?»

Я решила попробовать клюнуть хлеб, который мама Бонс только приготовила и выставила перед открытым окном. Рот не подходил для этого, но вот нос! Нос у меня замечательно подходил: тонкий, острый и длинный, точь-в-точь клюв. Ещё раз взглянув на птиц, я принялась повторять всё, что они делают. Нужно сперва крутить головой и шеей, после моргать, а потом с силой клюнуть хлеб. Хлеб явно не ожидал, что кто-то будет его клевать, поэтому с грохотом упал на пол, захватив с собой тарелку. Нос тоже не ожидал, что он сегодня клюв, поэтому потерял нюх и ужасно заболел. Это не пугало настолько, насколько пугал голос мамы Бонс. Внезапные голоса взрослых пугают больше любой болячки!

– Ия, у меня есть опасения, что ты только что уронила

свежий хлеб на пол!

– Мум, я прусту хутелу узнуть, ну сутрясуются лу музгу у птуц... – я зажала нос одной рукой. Не знаю почему, но так делают взрослые – хватаются за то, что болит.

– Чего? – мама Бонс выглянула из-за угла и закричала. – О, Господи, Ия! Ты что клюнула носом подоконник?

«А-а, так вот почему было так больно! Оказывается, я промахнулась!».

После осмотра Мама Бонс вставила скрученную салфетку в мой нос, а потом велела задрать голову, как Троппи.

– Ну, и зачем ты хотела клюнуть хлеб?

– Стало интересно, есть ли сотрясение мозгов у птиц.

Мама сказала, что я вся в деда пошла. А когда я попросила рассказать о нем, она вся расплылась по столу, и, кажется, забыла про хлеб. Мама Бонс сказала, что дедушка был другим.

– У него три уха?

Мама Бонс засмеялась.

– Нет, он похож на Тире чем-то... Его даже отправили жить в Бегундию. Это было сложное время. Взрослым приходилось туго, Стекланный шар только-только распался на два города.

Разговор про смерть оказался сложным для мамы. Она сказала, что у нее есть какая-то Надежда. Не то подруга, не то родственница... Этого я так и не поняла.

После того, как мама ушла обратно на кухню, я долго гля-

дела в окно на птиц и на соседского дедушку, который всё ещё был там. Он увидел меня и помахал рукой. Так странно, что кто-то машет рукой: в Чувствилле такое не принято, поэтому я тут же помахала в ответ. Иногда хочется делать что-то не так, как делают все. А ведь соседский дедушка всё делает не как все. А ещё он очень старый, поэтому мог знать что-то про мамино папу и про «умирать».

«Надо спуститься к нему! И всё разузнать!» – тут же решила я.

На улице было прекрасно. И мой соседский дед грелся прямо в центре двора вместе с птицами.

– Здравствуйте! – торжественно заявила я.

– Ия, здравствуй! Как ты поживаешь? Не могу не сказать, что вид у твоего носа крайне любопытный... Тебе кто-то в нос стукнул? – вполне обычно спросил он, хотя знал, что драка в нашем городе – это нарушение закона.

– Не-а, я просто хотела узнать не сотрясаются ли мозги у птиц, когда они клюют что-то.

– Да ты практик, Ия! Прямо как твой дед. Эх, замечательный был человек... Мы с ним так чудили в молодости!

И тут деда-соседа унесло в страну воспоминаний, как и маму Бонс. Удивительный талант есть у некоторых людей: как только начинаешь про них говорить, то сразу забываешь обо всём вокруг.

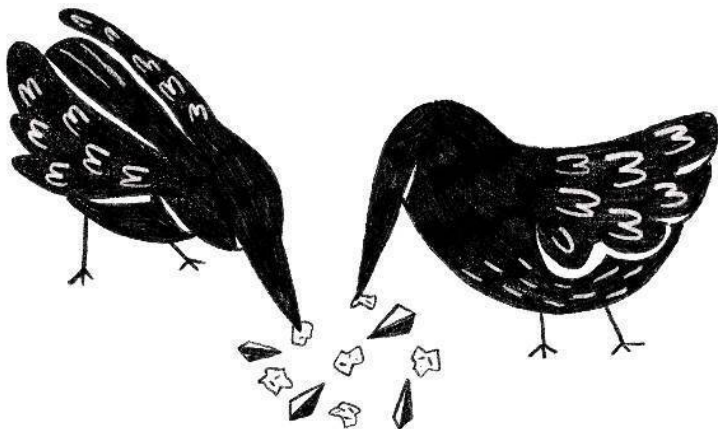
– Скажите, а как скоро вы планируете умирать?

Дед-сосед вытаращился на меня, вытягивая вставную че-

люсть вперед, и затем так громко расхохотался, что все птицы разлетелись. Не знаю, почему его это так рассмешило, ведь умирать не очень-то приятно (я сама не проверяла, но так горит мама).

– Интересный вопрос... я думаю, что к этому трудно быть готовым. Конечно, я стар, болен и знаю, что умру. Я ведь не могу остаться тут навсегда.

– Почему? Я что-нибудь придумаю, чтобы вы могли не умирать. Вы главное поживите ещё чуть-чуть и встретитесь с Надеждой.

– Надежда? – он хмыкнул. – Боюсь в этом вопросе, надежда – путь к страданию, хотя само по себе чувство замечательное.

Оказалось, что надежда никак не связана с маминой родней или подругами.

– Лучше расскажи мне, как у тебя дела в школе? – одна

из птиц приземлилась на плечо деда-соседа и принялась чистить крылышки.

Ох уж эти взрослые, вечно спрашивают про школу, будто там есть хоть что-то интересное! Мне не хотелось рассказывать, какая у меня скучная школьная жизнь.

После того, как узнаёшь, каким веселым было детство дедушек, за своё всегда становится обидно. Оказалось, что у меня такие буйные корни весёлого деда-практика, а я всего лишь длинная отличница за первой партой. Стыдно быть скучным!

Яблоко по имени Ия

Выходные – особо прекрасное время. Потому что дома много вкусной еды и не надо в школу! Ко мне зашел Тире, но я не успела открыть дверь, поэтому дверь открыл папа Сноб. Конечно, он не стал впускать соседа, а велел ждать меня во дворе.

– Тире, привет! – я шагала к нему навстречу и махала рукой.

– Ты что рукой машешь при встрече? – глаза у него стали круглыми и необычно большими. – А вдруг кто увидит!

«Ой, а об этом я не подумала!».

Я тут же оглядела двор по кругу, никого опасного не было, только голова папы Сноба торчала из нашего окна, а ещё дед-сосед кормил птиц крошками из своего окна.

– Никого вроде нет, мне кажется, что ты зря так переживаешь.

– Знаешь какой огромный штраф выписали деду-соседу за то, что он помахал рукой Мадам Сижу?

Я глянула на деда-соседа, и он помахал мне рукой, а я помахала в ответ ему.

– Ия! Да ты из ума выжилась что ли?! Я же говорю, штраф!

Тире грозно глянул на окно деда-соседа. Дед-сосед широко улыбнулся и помахал нам ещё раз. У Тире дёрнулась рука

наверх, но он её тут же отпустил и просто кивнул головой, очень резко и как-то неказисто.

– Тире, у тебя болят кости?

– Что?

– А-а, поняла! Не бойся, дед-сосед очень крутой. И его любят птицы!

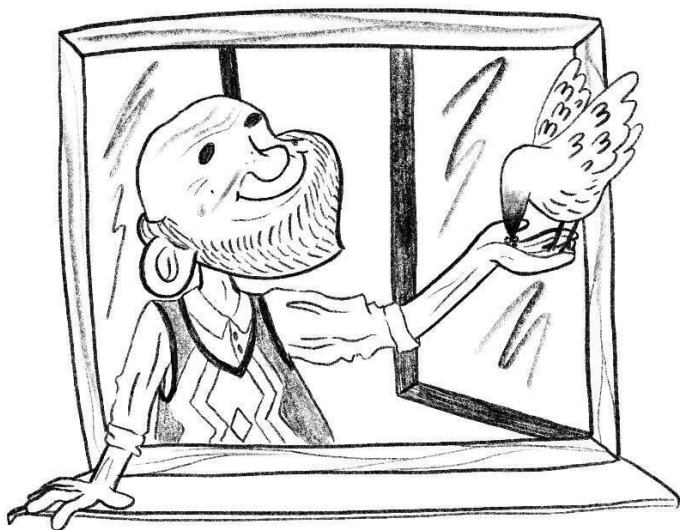
Тире не хотелось признавать, что он боится, но ещё больше ему не хотелось обманывать.

– Мы вчера с дедом-соседом кормили его птиц. Ещё он рассказал мне, как они с моим дедушкой в детстве чудили! – продолжала я.

– Здорово, а это все птицы его?

– Да! Представляешь, они играли в контрабандистов и ещё у них был свой язык! Хочешь я тебя познакомлю с дедом-соседом?

Тире немного помялся, но потом согласился. Раз уж у деда-соседа есть свои птицы, и они его очень любят, то должно быть он и вправду хороший человек. Ведь не могут же столько птиц и одна девочка ошибаться.

Мы подошли к окну деда-соседа, оно было достаточно высоко, но и довольно низко. Нам пришлось задрать головы и говорить громче обычного.

– Здравствуйте! Это Тире Мо! – другом мне не хотелось его называть, вдруг бы он сказал, что мы не друзья.

– А-а! Тот самый Тире Мо, твой сосед по парте?

Мы с тире интенсивно закачали головами.

– А это правда ваши птицы? – спросил Тире.

– Обманывать – плохо. Конечно, мои! Хотите покормить? – дед-сосед так по-доброму улыбался, что хотелось улыбаться в ответ.

Тире, кажется, за этот вопрос успел вырасти на пару сантиметров, потому что вдруг вытянулся вверх:

– А можно??? Я очень хочу покормить птиц! И я уверен, она тоже очень хочет! Да, Ия?

Но я не отвечала, потому что очень испугалась, что Тире вырос на пару сантиметров и скоро догонит меня в росте. Тире подтолкнул меня локтем в бок:

– Ну, чего ты молчишь? Отвечай «Да»!

– А! Простите! Да, конечно, покормить ваших птиц – самое моё большое желание сегодня!

Дед-сосед попросил нас ждать внизу и куда-то исчез. Потом он высунулся из окна и достал несложную конструкцию из ниток и плетеной корзинки.

– Спускаю товар! Принимайте!

С этими словами корзинка медленно начала спускаться вниз, будто паря в воздухе. Это было так интересно, что я чувствовала себя своим дедушкой!

– Мы будто играем в контрабасистов! – сказала я восторженно и глянула на Тире. Он стоял, задрал голову и спрятав нижнюю губу где-то во рту, а глаза у него словно начали сверкать.

– Контрабандистов! – крикнул дед-сосед. – Только смысл игры в том, чтобы оставаться незамеченными!

– А! О-о! – мы с Тире ответили хором и тут же опустили головы, смотря то на птиц, то на солнце... Хотя не глядеть на корзинку было очень сложно! Нам так не терпелось скорее получить её, что мы аж тряслись! Наконец она была у нас. В корзинке аккуратно лежал кулёк с хлебными крошками и какая-то бумажка. Тире тут же схватил бумажку и развернул её: там были нарисованы какие-то линии, что-то напоминающее наш двор и крестик. Мы вопросительно задрали голову, а деда-соседа уже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.